

Юрий Колкер

ЭНГЕЛЬС IN VITRO

ТРУД ГЛАЗАМИ МЕЧТАТЕЛЯ

«У каждого учёного, — шутили физики (когда они шутили), — имеется свой научный горизонт. С годами он сужается и в итоге стягивается в точку. Тогда учёный говорит: "Это моя точка зрения!"» Другая академическая шутка не столь известна: «Что знает специалист (профессионал)? Всё ни о чём! Что знает мыслитель (философ)? Ничего обо всём!» (по-английски она звучит ещё выразительней: *everything about nothing... nothing about everything*). Слышали мы и такое: «Специалист подобен флюсу».

Все учёные (люди отвлечённой умственной деятельности) делятся на специалистов и мыслителей, хотя и гибриды — не редкость. Противостоят им мечтатели (поэты), люди часто не слишком учёные, склонные к чувственному постижению мира, чья мысль скорее красочна, чем безупречна, однако ж она тоже — мысль. Подобно философам, они подчас тоже пытаются «объять необъятное», но не всегда дорожат строгостью и полнотой. В свою очередь философы, чья мысль слишком далеко отрывается от земли, нередко прибегают к методам мечтателей — и норовят красивым высказыванием отгородиться от непостижимого.

Монтень с его патетическим «Что я знаю?» — чистый случай мыслителя. Аристотель, мыслитель, знавший всё обо всём (и уверявший, что излишняя специализация унижает), был специалистом в биологии, но не в геометрии, — первым в истории биологом. Эйнштейн, сделавшей физику философией, при всей философичности его главного открытия, в первую очередь — специалист (недаром и нобелевскую премию он получил не за теорию относительности; философу эта премия не положена).

Дарвин, говорят, собаку съел в усюногих ракообразных и орхидеях, но мечтателю он видится скорее мыслителем, нежели биологом, недаром специалисты — в разных многообразных частностях — так сильно потеснили его взгляды в XX веке. Блистательный Борис Кузин (1903-1973), биолог, мыслитель и поэт, писал о нём: «я почему-то не могу представить себе Дарвина иначе как мальчиком в коротких штанишках, но, впрочем, с бородой и с великолепными нависшими бровями».

Карл Маркс — никакой не экономист (не специалист), а мыслитель и, куда деваться, поэт. *Коммунистический манифест* — поэма. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» — по-русски чистый хорей. (Частушка дополняет эти две хореических строки до четверостишья: «У маво милёнка в попе обломилась клизма»). Одна из мыслей Маркса кажется мне гениальной и поэтичной: мы покоряем природу, а природа в ответ поработщает нас — через ярмо, нами на неё наложенное. В самом деле, попробуйте прожить хоть день не то что без интернета, а без электрического освещения (без которого Маркс обходился, писал при свечах). Мы все уже в такой мере поработщены удобствами цивилизации, что не показались бы нормальными полноценными людьми человеку античности, например, Сократу, который ведь и мечом владел, и верхом ездил, и под парусом ходил. Наше отношение к жизни и, особенно, к смерти вызвало бы у Сократа полное презрение к нам.

Друг и соавтор мыслителя Маркса, Фридрих Энгельс, был специалистом, но — не в отвлечённой, а в практической умственной деятельности, в коммерции (требующей ума, кто бы спорил, и заслуживающей полного уважения, но это — другое занятие). В том, чем он прославился, он, не окончивший гимназии, тоже был мыслителем. Ни на

крохотную секунду не думаю упрекнуть его в недостатке академического образования. Жан-Жак Руссо, словом — не мечом — повернувший ход мировой истории, никогда и в школе-то не учился. Энгельс вместе с Марксом — тоже в списке таких исторических воротил. (Список этот очень короток. В нём выделяется Мартин Лютер. Иисус Христос был бы самым лучшим примером, будь он историчен.)

Дадим слово мыслителю Энгельсу. В революционном 1849 году он писал:

«Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и ещё теперь сохранили жизнеспособность; это — немцы, поляки и мадьяры. Поэтому они теперь революционны. Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны.» (Энгельс. *Борьба в Венгрии*, 1849)

Слышим библейский пророческий клёкот, не так ли? Перед нами новый Исайя. Чехи, словаки, украинцы, хорваты, словенцы, евреи, русины — кто ещё жил в империи Габсбургов? — все плохие. Кого ни возьми — «народ грешный, племя злодеев, сыны погибельные ... дети лживые, не хотят слушать закона Господня [закона Революции]... как срубленный терновник, будут сожжены в огне [Революции]», — все обречены, ибо реакционны. Ни отнять, ни прибавить. Да ещё — мировая революция! Энгельс искренне верил в этот Армагеддон, ожидал его со дня на день...

Предсказания Энгельса, понятно, не сбылись и теперь уж не сбудутся, но тут ещё большой беды нет (что из библейских пророчеств сбылось?). Многие племена Австро-Венгрии не то что не погибли, а создали независимые государства; даже евреи исхитрились. Любопытнее другое: Энгельс, в точности, как Исайя, делит народы на плохие и хорошие. Не соглашаюсь с ним (с ними). По мне — все народы плохие (соглашаюсь с Иеремией). Но не с лёгким сердцем отдаю Энгельса (и Исайю) на растерзание нынешней постыдной, насквозь фальшивой и фашиствующей политической корректности. Только тот, кто укушен бешеной собакой, не видит разницы в культурных достижениях и вкладах разных народов.

Как всякий мыслитель (пророк, диссидент, бунтарь), Энгельс начинал по мелочи — эмоциональными возгласами в своём кругу, в своей партии, — газетной публицистикой. На мировые подмостки его, человека амбиций не испепеляющих, выволок Маркс с его чудовищным честолюбием и гигантоманией, — пророк (диссидент, бунтарь) несомненный, который тоже начинал газетчиком. Гигантоманией, заметим, страдал весь учёный XIX век. Любая теория в ту пору должна была быть всеохватной, — таковы дарвинизм и марксизм; таков и давно опровергнутый поэтический геккелизм: «онтогенез повторяет филогенез».

Мне, мечтателю и обывателю, Маркс и Энгельс по большому счёту не противны. Они умные и совестливые люди своего времени, а честолюбие — часто признак таланта. Оба жаждали справедливости. И того, и другого вело негодование, — ведь положение английских рабочих приближалось к положению египетских рабов. Оба сказали много верного, пусть не всегда нового, но и ошибок наделали, что в порядке вещей, — ошибаются все, поправляют каждого, мысль не стоит на месте. Отталкива-

юще противны мне не эти двое, а те, кто застрял в XIX веке: кто верит, что движение мысли остановилось, что классовое учение Маркса-Энгельса — последняя непрекаемая истина. Как это ни дико, такие люди не перевелись и в XXI веке, хоть они и высмеяны историей, — не видят, что пролетариата нет; не то что как сознательной революционной силы нет (он таковым и не был; «сознательный» пролетарий всегда хотел стать буржуем), а вообще нет. (Знаю главное возражение троцкистов: что пролетариат в наши дни — бедные китайцы, но до возражений на это не унижусь.) Марксизм несомненно устарел — вслед за Библией, божественным Олимпом и геоцентрической моделью космоса. Старые картины мира ныне живы в той мере, в какой они поэтичны. Марксизм поэтичен. Но не стоит выдавать поэтичность за научность.

Я хочу возразить на главный тезис марксистской трудовой теории антропогенеза из статьи Энгельса *Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека*, — на то, что «труд создал самого человека». Не лезу в оригинал, беру текст в каноническом советском переводе, предположительно добросовестном. Первым делом вижу: Энгельс старательно следует правилу, что учёному тексту полагается быть скучным, однако при критическом подходе с форой в 175 лет мы получаем прелюбопытное, а местами и увлекательное чтение. Увлекательное тем, что текст перенасыщен банальностями, ошибками и поэтической игрой воображения.

Начинается произведение Энгельса словами: «Труд — источник всякого богатства». Это ли не библейский стих? И мыслимо ли тут не вспомнить другой стих в этом роде: *Arbeit macht frei* (*труд делает свободным*), начертанный на воротах лагеря смерти? От поэзии не ждёшь точности и полноты, от неё ждёшь красоты, изящества, игры. Первое высказываете прямолинейно, игры лишено; во втором (принадлежащем пастору Лоренцу Дифенбаху) присутствует премилый оксиморон, позже обыгранный в антиутопии Орвелла лозунгом «Рабство — вот где свобода!». Возгласы Энгельса и Дифенбаха, как и полагается стихам, не исчерпывающи. Всем понятно, что труд может быть источником чего угодно, в том числе и бедствий, а богатство происходит не только от труда.

Дальше у Энгельса идёт презабавная ошибка:

«Жила где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне погруженном па дно Индийского океана, — необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян...» — от которой мы и произошли

Не я брошу в Энгельса камень! Ошибка простительная. Не знал человек, что эти обезьяны в Африке жили, потому что никто тогда этого не знал, не было на этот счёт договорённости... а индийская Атлантида — готовая поэма. Жму руку автору, дополняющему знание поэзией, что, как всем ясно, — традиционный естественный путь развития всякого знания, религиозного и научного. Отвергаю с порога расистскую интерпретацию, нашептывающую, что Энгельсу не хотелось видеть наших предков чернокожими. (Что он считал белую часу выше чёрной, тут и вопроса нет, но так тогда все считали, не исключая и самих чернокожих.)

Энгельс геккельянец чистой воды:

«История развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой лишь сокращенное повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков начиная с червя...»

То есть: «онтогенез повторяет филогенез»... однако эта звонкая формула была произнесена Геккелем уже после смерти Энгельса. Выходит, что уже в середине XIX века все учёные держались этого представления (ведь Энгельс не биолог), — а Геккель только резюмировал общее мнение.

Энгельс — лысенковец (даром, что академик Трофим Денисович родился через три года после смерти Энгельса):

«Только благодаря труду, благодаря приспособлению к всё новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря всё новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, всё более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.»

То есть: приобретённые в течение жизни признаки — наследуются. Опять Энгельс выражает своё время. Генетики ещё нет. опыты Грегора Менделя с горохом начнутся через семнадцать лет после статьи Энгельса и будут едва замечены учёными, не всколыхнут человечества, как *Происхождение видов* Дарвина.

Далее читаем у Энгельса:

«Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли [!] тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей... Чувство осязания [у человека], которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме [!], выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки»

Перед нами — сплошная поэзия. В ней Энгельс — в такой степени человек девятнадцатого века, что и возражать ему не хочется.

«У наших домашних животных, более высоко развитых благодаря общению с людьми, можно ежедневно наблюдать акты хитрости, стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей.»

А это — домашняя биология. Биологией настоящей установлено, что мозг диких животных на полных 30% более развит, чем мозг домашних. Установлено, спору нет, после смерти Энгельса, но зачем он выдаёт свою доморощенную догадку за факт?

Дальше:

«Под влиянием в первую очередь, надо думать, своего образа жиз-

ни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны [наши предки] начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать всё более и более прямую походку. Этим был сделан решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку.»

Тут — всё правда, только уж очень поверхностная. Энгельс ломится в открытые двери. Между прочим, он знает, что были, по его определению, «низшие млекопитающие», которые тоже на двух задних лапах уже ходили, но не именуется их и не говорит, чем они были хуже обезьян из Индийского океана. Почему не их потомки стали мыслящими существами? Энгельс не задаётся этим вопросом.

Одного зверя я поименую. Мне особенно милы тираннозавры с их несомненными руками, прямой походкой и прямым нравом. Про них Энгельс не знал... Исходя из нынешнего состояния человечества хочется допустить, что человек произошёл не от обезьяны, а от тираннозавра: та же свирепость, та же кровожадность, та же тупость. Но нет, биологи учат, что филогенетически тираннозавр ближе к голубю, чем к человеку.

Из текста Энгельса с несомненностью вытекает, что он всех обезьян считал вегетарианцами, не знал, что орангутанги и гориллы всеядны. С уверенностью специалиста он причисляет к травоядным и наших отдалённых животных предков на первом этапе их развития:

«Охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к превращению в человека...»

С таким же успехом можно предположить, что наши предки всегда были всеядны. Догадка Энгельса ни на чём не основана. Она остаётся чистой фантазией.

По временам Энгельс прямо-таки заговаривается:

«Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами [!], под влиянием которых мозг обезьяны [!] постепенно превратился в человеческий мозг...»

Мозг обезьяны — под влиянием труда и речи! То есть: обезьяна уже говорит и трудится. И притом сначала у неё труд (по Энгельсу присущий только человеку), а уж потом — мозг. Этот порядок — труд, затем мозг (мысль), — идёт через всю статью Энгельса.

...Лирическое отступление: привожу к слову премилый исторический анекдот, бросающий свет на отношение труда и мысли.

Однажды вечером Эрнест Резерфорд (отец атома) прогуливался около своей лаборатории и увидел в ней свет. Зайдя, он застал там своего аспиранта.

— Что вы тут делаете в такой час? — спросил Резерфорд.

— Работаю, — ответил тот.

— А что вы делаете днем?

— Тоже работаю!
— И утром тоже работаете?
— И утром тоже, — подтвердил аспирант.
Резерфорд озадаченно спросил:
— Помилуйте, а когда же вы думаете?...
Вот ещё одна милая нелепость Энгельса:

«Приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи наряду с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека...»

Кошки без животной пищидохнут, собаки хиреют. Кошка по сию пору ни на минуту не стала слугой человека, она служит только себе, «ходит сама по себе». Почти всякий раз, обращаясь к биологии, Энгельс изрекает что-либо приблизительное или неверное.

Подхожу к тому, что кажется мне главной ошибкой Энгельса.

«Рука даже самого первобытного дикаря способна выполнять сотни операций, не доступных никакой обезьяне... Рука является не только органом труда, она также и продукт его.»

Учёный говорит нам: А есть продукт Б (рука — продукт труда, человек продукт труда), но оставляет эти А и Б без определения. Положим, что слово *человек* в его время в определении не нуждалось, но разве так — со словом *труд*? Энгельс заставляет нас извлекать это определение из его рассуждений. Получается вот что: труд есть то, что делает человеческая рука, — только это. Трудится только человек и только руками. «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда.» Развитие человеческой руки сделало возможным труд, а уж труд превратил обезьяну в человека.

Из этого определения и других слов Энгельса вытекает, что рука развивалась сама собою, а не в результате развития мозга, — что она в своём развитии опережает развитие мозга.

«Всю заслугу быстрого развития цивилизации стали приписывать голове, развитию и деятельности мозга. Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира.»

Отчего автор не видит, что и самые потребности рождаются в голове, а не в руке?! И отчего он не определяет «идеалистическое мировоззрение», а только попирает его, подпирает его словом *которое*? Идеализм по Энгельсу — в том, что голова опережает руку! Мозг в статье Энгельса упомянут девять раз, мысль — ни разу, а рука — 32 (тридцать два!) раза. Всё дело в руке!

Спрашиваю себя: откуда взялось заключение, что рука шимпанзе, делающая-таки примитивные орудия, не может сделать каменный топор? Ни моё воображение, ни

учёная литература после Энгельса этого не подтверждают. Наоборот, кажется правдоподобным обратное. Дайте этой руке надлежащий сигнал от мозга, и она сделает. Не делает — потому что животному этого не нужно. Суждение о том, что рука неандертальца совершеннее руки орангутанга абсолютно произвольно. Из этого с полной для меня очевидностью заключаю, что утверждение Энгельса «труд создал человека» — поэтическая шалость, типичное в философии прикрытие непонятого явления красивой фразой. Поэтический выход из умственного тупика.

С тем же успехом могу противопоставить поэтической вольности Энгельса мою поэтическую вольность. Утверждаю: «Человека из обезьяны создал досуг». Настаиваю на этом категорически. Пойду за это утверждение на костёр. Мне совершенно несомненно (и опровергнуть этого никто не сможет), что первый каменный топор был изготовлен не в процессе труда, а на досуге — как опыт, как внезапная остроумная мысль. Трудом изготовление каменного топора стало с той минуты, когда остроумная мысль оправдалась, сделалась рутинной, была поставлена на конвейер, — не раньше. Совершенно то же и со всеми прочими шагами на пути совершенствования разума, от каменного топора до дактилей и интегралов.

Решительно всё, что отличает человека от самого развитого животного, создано на досуге. Первое отличие, самый первый шаг мысли уже человеческой в сторону дальнейшей человечности, — богоискательство, сотворение божества и молитва божеству. Из молитвы первыми вышли музыка, поэзия и искусства, затем история, философия и все науки. При своём возникновении все эти открытия были досужими озарениями, досужей игрой воображения развивающегося человека, они не имели товарной стоимости, не кормили наших предков, то есть не были трудом.

Высшие животные мыслят, этого никто не отрицает, но наша мысль качественно отличается от животной. Чем? Рефлексией. Животное — знает; человек — знает, что он знает. Человеческая мысль смотрит на себя в зеркало, а мысль дельфина — не способна на это. Качественный скачок от животной мысли к человеческой, — чудо, остающееся непознанным, необъяснённым. И не нужно делать вид, что оно объяснено. Оно и в наши дни — тайна, таинство. Произнося ничего не значащее в этом контексте слово *труд*, Энгельс уклонятся от решения главного вопроса, подтасовывает, обманывает себя и других. У него не хватает мужества даже прямо поставить этот вопрос: ошеломляющий вопрос о происхождении человеческой мысли. Разговоры о руке — фиговый листок, эвфемизм. Формула «человека создал труд» — всего лишь слова ради слов, пустопорожняя риторика.

Тут к слову вспомнить другое громкое, но нелепое высказывание Энгельса: «жизнь — форма существования белковых тел». Эта формула — хуже, чем ошибка. Что ею сказано? — Что белки — достаточная форма жизни, в то время как на самом деле они — только необходимая форма жизни. Энгельс был большим белковым телом при жизни, а в гробу (он умер 5 августа 1895 года) никакой формы существования уже не представлял, однако ж остался белковым телом. Кусок мёртвого Энгельса мог быть взят в лабораторию и исследован *in vitro*. Оказалось бы, что белки ещё тут, а жизнь — тью-тью. Классик марксизма-ленинизма не понимает разницы между необходимым и достаточным, которую полагается понимать гимназисту. Смерть — необходимое и достаточное условие жизни, а белки — только необходимое. Конечно, автор статьи —

мальчишка, не получивший серьёзного образования, Энгельсу в 1849 году 29 лет, но, по пословице, назвался классиком — полезай в кузов. Закон, который Энгельс хотел, да не смог, произнести, можно сформулировать в трёх словах: *белки указывают на жизнь*. Но этот закон не принадлежит Энгельсу, который ведь ни на крохотную секунду не был специалистом в биологии. Энгельс его вычитал у биологов, да не понял. Ему принадлежат слова ничего не значащие: «форма существования», и они — дивный пример чистого пустозвонства. Ни малейшего объяснения жизни в них не содержится.

Почему Энгельс споткнулся и зациклился на труде? Потому что физический труд — орифламма социализма. Определения труда по Энгельсу — откровенная дань тогдашней конъюнктуре, «призраку коммунизма». Она — приспособленчество под готовую схему. Веками считалась, что богатство — заслуга доблести и ума. Социалистам втемяшилось другое: что все богатые люди — мошенники, что они уже тем обкрадывают всех бедных, что богаты. Социалисты провозгласили труд мускульных рабочих доблестью, а труд интеллектуальных рабочих (буржуев, мещан) — барским бездельем и едва ли не воровством. Это был феноменальный культурный выпад, остроумнейшая, хоть и ложная метафора. В силу этой метафоры бедные будто бы кормят богатых — и тем самым они выше их (на деле обыкновенно всё обстоит наоборот). Физический труд, по мысли социалистов, облагораживает, а умственный они хоть и не осуждают прямо, но выносят его за скобки, как если б он и трудом-то не был, — чем, конечно, пилят сук, на котором сидят, потому что никто из этих теоретиков и вождей — не пролетарий, все как один буржуи. Маркс, в своей пресловутой формуле прибавочной стоимости (взятой, впрочем, у Адама Смита), забыл ввести интеллектуальную компоненту, почему его формула и оказалось пригодной только в самых примитивных случаях.

Социалисты произнесли свой поэтический лозунг не на пустом месте. Печкой, от которой они танцевали, было то, что протестанты приравнивали труд к молитве, — мысль не только красивая, поэтическая, но и плодотворная, хозяйственная. Социалистам осталось сделать крохотный шаг в том же направлении, но без Бога: приравнять физический труд к добродетели, что и было сделано под гром литавр. Чернорабочие немедленно становились людьми не только более передовыми, но и более нравственными, чем буржуи. По этой новой логике люди необразованные, «простые» — вдруг оказались лучше и добрее людей образованных.

Сие нелепое представление продержалось десятилетия, угнетая совесть многих богатых и не тревожа совести бедных, производя на свет всяческие нравственные протуберанцы (включая и «великую русскую литературу»), а потом вдруг рухнуло в одночасье, как карточный домик, — под напором накопившихся фактов, — но уже после Энгельса, Ленина и Сталина. Ныне все понимают, что образованный человек обыкновенно умнее и совестливее необразованного. Для Энгельса — противоположное так и осталось аксиомой, догмой. Отсюда его *рука* и его *труд*.

Марксизм подвергся столь основательной критике, что смешно её продолжать в XXI веке. Но я мечтатель и не боюсь насмешек. Сперва повторю неколебимо установленное: коммунизм трубит об отмирании государства, а на деле, как все мы видели, так усиливает государство, что отмирает всякая частная жизнь и человеческая инди-

видуальность, уж не говорю: частная собственность. При коммунизме ты и в своей спальне — не сам по себе, ты под надзором Большого Брата, ты его раб. Джордж Орвелл определил всё это в трёх словах лозунга своей антиутопии: «Свобода есть Рабство». Социализм и коммунизм дали примеры такой жестокости, какой не знала история: ГУЛАГ, газовые камеры. Всё это прописи.

Но сколько я ни вглядываюсь, я не вижу в критике коммунизма главного. Не вижу, чтобы кто-нибудь внятно произнес: *коммунизм идеализирует человека*. Да-да, он переупрощает человека, сводит его к букашке, это как раз сказано, а что при этом ещё и идеализирует — не сказано.

Коммунизм исходит из того, что в один прекрасный день возникнет общество, где все люди откажутся от *властолюбия, корыстолюбия и зависти*, — чего, естественно, никогда не произойдёт. Марксизм потому и не стал новой религией, что весь держится на этой анекдотической ошибке. Какой контраст с Библией! Там — человек настоящий, не выдуманный, — герой, святой и преступник в одном лице — как царь Давид. Потому-то Библия и пережила марксизм.

Великого, всерьёз и без оговорок, Роберта Оуэна марксизм похлопывает по плечу: ты, мол, братишка, и хорош, да не научен. Но какая научность у пророков? На поверку научность Маркса и Энгельса оказалась в лучшем случае поэзией. Разумеется, и Оуэн — поэт, но он десятикратно выше апостолов марксизма тем, что и на практике был социалистом, не только в теории: он жертвовал, не щадил себя, служил людям, — тогда как эти двое оставались вальяжными кабинетными законоговорителями, взывателями к сознательному рабочему, барственным белоручками с коньяком и га-ванскими сигарами.

Напомню главную ошибку Оуэна, за которую ему в ноги хочется упасть, — его знаменитое: «Not Guilty!» Оуэн всем сердцем верил, что преступником человека делают среда и обстоятельства. Ныне мы знаем, что это не так. Криминалистика, а затем и генетика показали: преступниками, как правило, рождаются. И преобладает преступность среди бедных, среди «простых», необразованных, — среди «пролетариата». Печальное открытие! Как хорошо было бы остаться с Робертом Оуэном! Но нельзя. Нельзя остаться и с марксистами, верящими, что человек перестанет быть властолюбцем, завистником и стяжателем. Этого не случится. Нельзя поддаваться соблазну указом исправить человека, кнутом учредить безусловно справедливое общество. Нужно, кто бы спорил, стремиться к справедливости в каждом своём поступке, но нельзя упускать из виду, что несправедливость — неустранимое свойство всего живого, включая человеческое общество и человеческую культуру. Попытки силой исправить общество ведут к неслыханным жестокостям.

Так что же такое труд?

Заглядываю в Британнику: нет общей статьи на labour, есть только про труд экономический да женский (роды). Заглядываю к Брокгаузу и Эфрону: нет общей статьи на труд. Заглядываю в менее амбициозные английские справочники, получаю: practical work, especially when it involves hard physical effort (практическая работа, особенно если она предполагает тяжелые физические усилия). Это определение недалеко ушло от определения Энгельса. Тут опять в первую очередь о человеке.

Из другого словаря: expenditure of physical or mental effort especially when difficult or

compulsory (затраты физических или умственных (психических) усилий, особенно когда они трудны или обязательны). Это ближе к делу, тут упомянут мозг, но опять с оглядкой на человека.

Удивляться не приходится. Энгельс — апостол марксизма, а марксизм царил. Статья Энгельса, которая мне так сильно не нравится, сто с лишним лет была и по сей день осталась евангелием новой (недоразвитой) религии, она переведена на все мыслимые языки, она застряла в умах крепче, чем Нагорная проповедь. По сей день чуть ли не все профессора в цивилизованном мире — марксисты. Почему? Потому что так легче. Марксизм строен, поэтичен, удобен. Он — уютен: тебя не упрекнут в пренебрежении к слабым и глупым (о глупости вообще полагается молчать, говорить о ней политически не корректно). Определение Энгельса — уютно, утешительно.

Заглядываю в толковый словарь Владимира Даля, автора, который уж точно ни на секунду не был марксистом (остался реакционером, кем и я остаюсь). Получаю: «труд м. работа, занятие, упражненье, дело; всё, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет».

Тут больше правды, но тоже не вся правда. Упомянуто утомление, присущее всему живому; упомянуты заботы. Но утомляет ведь не только труд, утомляет любая игра, спорт, любовь, да мало ли что. Всё равно: спасибо Дालю. Он умнее Британники.

Последняя правда о труде, по мне, вот такая: *труд есть усилия ради приобретения*. Под приобретением понимаю всё, что способствует жизни: пищу, кров, знание, потомство, место среди себе подобных (состязательные усилия). Моя формула покрывает всю живую природу. Каждое живое существо, включая и «птичку Божию» и растение, трудится, чтобы жить. С усилием — с трудом — каждый организм поглощает и извергает материю, — вот несомненная примета жизни. При таком определении не становится исключением ни бактерия, с трудом делящаяся надвое, ни дерево, с трудом растущее против силы гравитации. Жизнь есть труд. Жизнь, вопреки Энгельсу, не форма существования белковых тел (повторю до оскомины: эти слова — пустозвонство полное), а непременно ритмизованный труд организма, перемежающийся с отдыхом. Естественно, и моё определение неполное (необходимо определить, что такое организм... и поставить неразрешимый вопрос о происхождении жизни), — неполное и поверхностное, не объясняющее тайну жизни, а всё же толку в моём определении больше, чем в определении Энгельса. Труд не создал человека, он возник вместе с первым живым организмом, за миллиарды лет до человека. С трудом, из труда — возникли амёба, тираннозавр, мамонт, кит, примат, человек. Труд и жизнь — синонимичны.

Покончив с доисторическим человеком, Энгельс обращается к историческому.

«С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, велетабы, или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого уже никакого дела нет.

Прелюбопытно! Для меня новость, что вегетарианство было заметным явлением

уже в середине XIX века. Что до «велетабов, или вильцев», то это славянское племя лютичей. Их земли и в самом деле простирались на юг как раз до слияния рек Шпре и Хафеля, где в XIII веке возник Берлин, но вряд ли их можно считать прямыми предками берлинцев (и вряд ли Энгельс знал, что они славяне). О людоедстве у лютичей, известных, что и говорить, лютостью, писал в десятом веке монах Ноткер Немецкий, но, кажется, он присочинил это; не вижу подтверждения этого обычая у последующих историков. Энгельсу сообщение о людоедстве прото-берлинцев так понравилось, что он ссылается на него еще в одном своём сочинении... Игривая концовка пассажа «нам теперь до этого уже никакого дела нет» позволяет допустить, что Энгельс с некоторым облегчением переходит от пророческого вещательства к публицистике, где он в своём элементе.

Энгельс то и дело противоречит себе. Вот два соседствующих утверждения:

(1) «Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает для того, чтобы на освободившейся почве посеять хлеба, насадить деревья или разбить виноградник, зная, что это принесет ему урожай, в несколько раз превышающий то, что он посеял.»

(2) «Людам, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги...»

Несообразность очевидная. Во втором куске, к тому же, ещё и ошибка: не вырубка лесов превратила Месопотамию в пустыню, а монгольское нашествие, уничтожившее её тысячелетнюю ирригационную систему (так, по крайней мере полагают очень многие). До этого страна была райским садом, где каждый клочок земли был любовно возделан и ухожен... Не знал человек! Мы знаем больше. Но отчего он так самонадеян в своей наивной публицистике? И отчего иные продолжают носиться с этим давно устаревшим и плохо организованным текстом Энгельса?

Энгельс уверен, что картофель — возбудитель золотухи. Скажи он это предположительно, было бы не так смешно. Диатеза в его время совсем не понимали, лечить не пробовали, золотушных в больницы не брали.

Энгельс полагает, что первыми «научились дистиллировать алкоголь арабы» (в средневековье). Такое представление удержалось до наших дней, но оспаривается. Появились сведения, что перегонку использовали уже в эллинистической Александрии. Верно, что слово *алкоголь* — арабское, но ведь и слово *алгебра* арабское, тогда как сама алгебра была известна в Древнем Египте и Вавилонии.

Подвожу итог моим наблюдениям. Гремучая статья Энгельса — собрание банальностей, противоречий и ошибок, больших и малых. Энгельс не видит, что два его главных положения — «труд создал человека» и «труд присущ только человеку» — взаимно исключают друг друга. Его «трудовая теория происхождения человека» лишена доказательств, тем самым она никакая не теория и даже не гипотеза, а

ширма, дымовая завеса, прикрывающая непонимание. Логику Энгельс подменяет лозунгом. Все его главные положения конъюнктурны и предвзяты. Из утверждений, что рука опережает в своём развитии мозг и этим влечёт за собою развитие мозга, а ручной труд нравственнее умственного, немедленно вытекает призыв «На баррикады! Буржуям нет пощады!» — и больше ничего. Но ведь этот призыв — отправная точка Энгельса. Перед нами порочный круг.

В противовес Энгельсу я утверждаю, что труд есть усилие ради приобретения и что он присущ всему живому, включая простейшие организмы. Из этого вытекает, что труд не сыграл ни малейшей роли в становлении человека. Гораздо вероятнее, что человека создал досуг. Развитие мозга, а вслед за мозгом других органов, привело к сокращению времени на добывание пищи, и пробудившаяся мысль на досуге изобрела орудия и оружие. На досуге, не во время охоты, были созданы наскальные рисунки, — родилось то, что в корне отличает человека от животных: искусство, которое и всегда, и при этом первом своём шаге было богоискательством, религией. Из религии вышло всё специфически человеческое: все искусства и все науки.

Не думаю, что качественный скачок от мозга обезьяны к мозгу человека будет когда-либо понят до конца — как поняты процесс фотосинтеза или теорема Пифагора. Человек — животное, и как всякое животное остаётся в границах возможностей своего биологического вида. Полное понимание процесса возникновения творческой мысли кажется мне лежащим за пределами отпущенных нам возможностей. Более того, эти возможности кажутся мне близкими к исчерпанию.

Разумеется, эти мои соображения спекулятивны (в точности как все «трудовые» утверждения Энгельса с их викторианским оптимизмом) и не поддаются проверке. Но они не вовсе беспочвенны. Культурная деградация нынешнего человечества слишком наглядна, чтобы о ней спорить. Появились и генетические исследования, свидетельствующие о нашем увядании, о падении среднего IQ, причём назван примерный срок распада цивилизации — через тысячу лет. Однако ж мы хорошо знаем цену долгосрочным прогнозам.

Рядом с этим прогнозом мне хочется поставить другой, мечтательный, но не менее вероятный. Всем ясно, что человеческая мысль давно уже стала фактором эволюции, а естественный отбор в человечестве действует слабее, чем искусственный, исторический. Ниоткуда не следует, что мы — венец эволюции. Отчего не допустить, что вид *homo sapiens* может переродиться в новый биологический вид, а то и расщепиться на два вида, скажем, на высший и низший?

И это ещё не всё. Поскольку мы давно уже срастаемся с устройствами и приборами, то вид, наследующий человеку, может оказаться не вполне биологическим, а то и вовсе не биологическим (ведь искусственный интеллект уже реальность). Светопреобразование религиозных людей может явиться в мир не как уничтожение Земли или Солнца, а как наше перерождение в обезьян и (или) ангелов. (Тут к слову вспомнить, что фамилия Энгельс в переводе значит Ангельский, Ангелов.) Если такое перерождение случится, то разом пропадёт то, что отличает человека от всего живого: все «бессмертные» достижения творческой мысли, всё наше богоискательство в творчестве. Ангелам и (или) обезьянам не нужны будут Бах, Шекспир и Рафаэль.